

И. Бодуэн-де-Куртенэ

**Некоторые общие замечания о
языковедении и языке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
И11

И11 **И. Бодуэн-де-Куртенэ**
Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. Бодуэн-де-Куртенэ – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.
ISBN 978-5-458-55335-3

ISBN 978-5-458-55335-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1) Первое изъ нихъ—есть усвоеніе языка и языковъ,—начиная съ раннихъ лѣтъ въ теченіе всей жизни,—которое отчасти составляетъ одинъ изъ вопросовъ дидактики, отчасти же есть дѣло совершенно самостоятельнаго труда, успѣхъ котораго зависитъ отъ большихъ или меньшихъ способностей и практической ловкости учащагося. Это можетъ быть усвоеніе или а) роднаго языка, или же б) усвоеніе языковъ иностранныхъ. Успѣхи поѣтой части зависятъ въ высокой степени отъ примѣненія открытій чистой науки языковѣдѣнія, которая, по отношенію къ родному языку, даетъ прочныя основанія къ тому, чтобы надлежащимъ и настоящимъ современнымъ образомъ а) способствовать младенцу въ его первыхъ попыткахъ говорить на отечественномъ языкѣ и б) въ болѣе позднемъ, дѣтскомъ ¹⁾ и юношескомъ возрастѣ—пріучать и пріучаться къ свободному и искусному владѣнію тѣмъ же отечественнымъ языкомъ; по отношенію же къ иностраннымъ языкамъ, практическая польза языковѣдѣнія состоитъ въ облегченіи толковаго и сознательнаго изученія иностранныхъ языковъ, какъ для того, чтобы понимать ихъ безъ всякаго затрудненія, такъ и для того, чтобы излагать на нихъ свои мысли совершенно правильно и свободно. Искусство состоитъ здѣсь въ улучшеніи средствъ практическаго изученія самимъ же учащимся—въ улучшеніи упражненій, или же въ улучшеніи и надлежащемъ примѣненіи приѣмовъ преподаванія другимъ чужихъ языковъ ²⁾. По серединѣ между изученіемъ роднаго языка и изученіемъ языковъ иностранныхъ стоитъ изученіе языка литературнаго,—объединяющаго весь народъ, облегчающаго взаимное пониманіе его членовъ и составляющаго обыкновенно (съ небольшими измѣненіями) разговорный языкъ такъ-называемаго образованнаго класса, въ противоположность народнымъ говорамъ. Въ странахъ, гдѣ литературный языкъ очень различенъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, какъ напримѣръ въ Германія и т. п., такого рода изученіе немногимъ легче изученія языковъ иностранныхъ ³⁾.

¹⁾ Ср. между прочимъ: Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ И. И. Срезневскаго (*Извѣстія Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности*. Томъ IX, 1860. 1—51, 273—332; особый оттискъ: 2 вып. С.-Пб. 1861).—Сюда относятся всѣ учебники-грамматики и другія книги, имѣющія цѣлью облегчить дѣтямъ сознательное изученіе роднаго языка и усвоеніе языковъ иностранныхъ.

²⁾ Въ связи съ этимъ находится искусство хорошо переводить съ иностранныхъ языковъ на родной и обратно.

³⁾ Что касается краснорѣчія, то оно только съ внѣшней стороны, какъ такъ-называемая ораторія, можетъ считаться примѣненіемъ языковѣдѣнія; по внутрен-

2) Совершенно особыми приемами отличается искусство обученія глухонѣмыхъ какому-нибудь языку. Для глухонѣмыхъ не существуетъ вовсе слышимого языка; имъ понятенъ только языкъ пантомимный. И хотя они могутъ даже производить звуки, похожіе на звуки какого-нибудь языка, все же эти звуки существуютъ только для слушающихъ, а никакъ не для нихъ: совершаемыя ими при этомъ движенія мускуловъ представляются имъ пантоминами въ такомъ же родѣ, какъ любая гримаса и сочетанія пальцевъ. Приученіе глухонѣмыхъ къ произношенію слышимыхъ словъ основывается на данныхъ изъ области анатомически-физиологической части грамматики.

Только на отчетливомъ знаніи звуковъ языка въ отличіе отъ означающихъ ихъ начертаній, равно какъ и на знаніи происхожденія и состава словъ, можетъ основываться, съ одной стороны,

3) хорошій методъ обученія дѣтей (и взрослыхъ) читать и писать на извѣстномъ языкѣ, — съ другой же,

4) ореографія, правописаніе, соотвѣтствующее результатамъ науки.

Изъ этого краткаго разсмотрѣнія разныхъ направленій искусствъ, техники и практики, представляющихъ примѣненіе результатовъ науки къ потребностямъ жизни отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, мы видимъ, что языковѣдѣніе вообще мало примѣнимо къ жизни: съ этой точки зрѣнія, въ сравненіи, напримѣръ, съ физикою, химіей, механикой и т. п., оно является полнѣйшимъ ничтожествомъ. Вслѣдствіе того оно принадлежитъ къ наукамъ, пользующимся весьма малою популярностью, такъ что можно встрѣтить людей даже очень образованныхъ, но не понимающихъ или даже вполне отрицающихъ потребность языковѣдѣнія. Убѣждать ихъ въ противномъ — напрасная трата времени; можно замѣтить только, что для чловѣка, не возвысившагося надъ уровнемъ умственного развитія животнаго, не нужна ни одна наука; признавать же бесполезнымъ изслѣдованіе извѣстнаго рода явленій значитъ обладать умомъ необъективнымъ и лишеннымъ чутя дѣйствительности.

Б. Житейскія потребности, стремленіе къ удобству, къ упрощенію, къ облегченію взаимныхъ отношеній между людьми, стремленіе создать общій органъ для литературы народа, органъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ бы и въ жизни всѣхъ современныхъ членовъ народа, а въ литературѣ каждое поколѣніе съ его предками и потомками, всѣ эти потребности и стремленія вызвали появленіе въ каждомъ ли-

нимъ же качествамъ, — по подбору мыслей и ихъ распредѣленію, то-есть, какъ риторика, оно есть примѣненіе діалектики, логики.

тературно-объединенномъ народѣ одного, въ извѣстномъ смыслѣ условнаго и образованнаго языка. Сущность и назначеніе такого языка имѣютъ необходимымъ послѣдствіемъ стремленіе къ застою, стремленіе къ тому, чтобы задерживать языкъ въ его естественномъ теченіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ довольно могущественное вліяніе человеческого сознанія на языкъ.

Съ другой стороны, сознательное и безсознательное стремленіе къ идеальному, стройному, правильному поражаетъ языковой пуризмъ, граничащій съ педантизмомъ ¹⁾ и заставляющій своихъ представителей вмѣшиваться постоянно въ естественное развитіе языка, класть veto противъ извѣстныхъ явленій, кажушихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то въ языкѣ приняло такой-то и такой-то видъ. Пекутся извѣстныя правила и извѣстныя исключенія изъ этихъ правилъ ²⁾, которыя считаются ненарушимыми и послѣдствіемъ которыхъ бываетъ то, что подчасъ иностранецъ „правильнѣе“ (по грамматикѣ) говоритъ извѣстнымъ языкомъ, нежели туземецъ. Разумѣется, что грамматикѣ, смотрящія на языкъ съ такой точки зрѣнія, не имѣютъ понятія о его развитіи: имъ неизвѣстно, что всѣ мнимыя грамматическія исключенія объясняются исторіей языка и представляютъ или остатки древнихъ „правилъ“ или же задатки будущихъ ³⁾. Быть законодателемъ, хотя бы только въ области языка, очень пріятно, и поэтому-то каждый (или, по крайней мѣрѣ, почти каждый) грамматикъ практическаго направленія считаетъ себя въ правѣ командовать по этой части. Освободиться отъ желанія издавать подобнаго рода указы—очень трудно, такъ что даже у многихъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чисто-объектив-

¹⁾ Ср. Jacob Grimm, Über das pedantische in der deutschen Sprache (Kleinere Schriften, I. Berlin 1864, стр. 327—373).

²⁾ Всякому самостоятельному, положительному, объективному уму подобныя правила и исключенія могутъ только внушить отвращеніе къ грамматикѣ. Вотъ что говоритъ Гёте по поводу грамматическихъ правилъ и исключеній: «Die Grammatik misstiel mir, weil ich sie nur als ein willkürliches Gesetz ansah; die Regeln schienen mir lächerlich, weil sie durch so viele Ausnahmen aufgehoben wurden, die ich alle wieder besonders lernen sollte» (Göthe, Aus meinem Leben, Dichtung und Wahrheit, книга I).

³⁾ «Alle grammatischen ausnahmen scheinen mir nachzügler alter regeln, die noch hier und da zucken, oder verboten neuer regeln, die über kurz oder lang einbrechen werden» [Jacob Grimm, Über das pedantische in der deutschen sprache. (Kleinere Schriften. I. Berlin. 1864. 329)].

ныхъ умовъ сохраняется склонность перестраивать и поправлять родной языкъ ¹⁾).

Если ко всѣмъ выше изложеннымъ факторамъ мы прибавимъ дѣйствіе на языкъ постепенно увеличивающейся вѣжливости и лести, стремленіе къ точности и приложеніе къ явленіямъ языка логической мѣрки, то получится болѣе или менѣе полный образъ вліянія сознанія человѣческаго на языкъ, вліянія, которое на извѣстной степени развитія вводитъ въ языкъ настоящую *искусственность*. Хотя вліяніе это ничтожно, но все-таки не безъ послѣдствій, не безъ слѣдовъ въ строѣ и составѣ языка.

В. Кромѣ этихъ лингвистическихъ искусствъ изъ области взаимныхъ отношеній науки и жизни, теоріи и практики, есть еще искусство въ самой же наукѣ, искусство въ ея осуществленіи, однимъ словомъ, *техническая* сторона науки. Подъ эту категорію мы должны подвести, съ одной стороны, практику науки, ея повтореніе и распространеніе, съ другой же стороны—ея совершенствованіе посредствомъ разныхъ открытій и улучшеннаго метода, съ цѣлью ускорить изслѣдованіе ея вопросовъ отдѣльными учеными и облегчить ея усвоеніе людямъ, начинающимъ заниматься.

Главныя условія осуществленія науки въ своемъ умѣ слѣдующія: достаточное количество *матеріала* и надлежащій научный методъ.

Достаточнымъ количествомъ матеріала можно запастись, только изучая явленія, образуя изъ нихъ научные факты, и такимъ образомъ опредѣляя предметъ изслѣдованія, — стало-быть, въ примѣненіи къ языку, изучая практически языки, о категоріяхъ которыхъ мы желаемъ составить себѣ научное понятіе и изслѣдовать и разсуждать теоретически ²⁾. Только обладая практическимъ знаніемъ языковъ, о

¹⁾ Такъ, напримѣръ, даже Шлейхеръ, считавшій себя только строгимъ наблюдателемъ естественнаго развитія языка, отрицавшій вполнѣ вліяніе на языкъ человѣческаго сознанія, не допускавшій вмѣшательства свободной воли человѣка въ чисто-естественное развитіе слова человѣческаго, заботился о чистотѣ отечественнаго языка: онъ очень часто возставалъ противъ разныхъ, какъ онъ называлъ, «неорганическихъ» явленій въ нѣмецкомъ языкѣ, введенныхъ въ него не-свѣдущими шутлейстерами, и призывалъ земляковъ отказаться отъ этихъ погрѣшностей. Въ особенности вторая часть его «*Deutsche Sprache*» преисполнена мѣсть, отличающихся такимъ проповѣдническимъ направленіемъ и патріотическимъ жаромъ. Здѣсь это практическое направленіе доведено до крайности. Въдь эта книга имѣетъ, между прочимъ, цѣлью, разбудить «*Nationalgefühl*» Нѣмцевъ: по моему, это почти тоже, что ставъ о пищевареніи приписывать возбужденіе аппетита.

²⁾ «Я, какъ «эмпирическій глоттикъ», — говоритъ, ~~Шлейхеръ~~, твердо убѣж-

которыхъ разсуждаешь, можно навѣрное избѣгнуть такихъ ошибокъ, какія сдѣлалъ Бенфей (Th. Benfey) въ своемъ „Griechisches Wurzellexicon“, принимая старо-славянское *prazdnouti* (ferior) въ смыслѣ „меня бьютъ“ (вмѣсто „я праздную“), или же переводя *oukraudj* (furor) словомъ „toben“ (неистовствовать, дѣлать шумъ) вмѣсто „stehlen“ (красть) и т. п. ¹⁾ Но для нашихъ цѣлей достаточно знаніе языковъ, ихъ пониманіе; свободное же владѣніе ими въ разговорной рѣчи и въ письмѣ, хотя весьма желательно ²⁾, но не необходимо ³⁾.

Рядомъ съ собираніемъ матеріала идутъ научныя приемы, научный методъ: 1) въ изслѣдованіи, въ выводахъ изъ фактовъ, 2) въ представленіи результатовъ науки и въ сообщеніи ихъ другимъ, въ преподаваніи. Сюда слѣдуетъ отнести упражненія всякаго рода, пособія, вспомогательныя средства, какъ, напримѣръ, переводъ съ одного языка на другой или же переводъ формъ одного въ формы другаго (переводъ морфологическій и фонетическій) и т. п.

Теперь спрашивается: будетъ ли предметомъ нашихъ занятій, предметомъ языковѣдѣнія, одно изъ вышеисчисленныхъ направленій практической стороны этой науки? Будемъ ли мы давать указанія для успѣшнаго изученія языковъ какъ говорящими людьми, такъ и глу-

денъ въ томъ, что одно только дѣльное знаніе языковъ можетъ быть основаніемъ занятій языковѣдѣнія, и что прежде всего надобно стремиться къ тому, чтобы, сколько возможно, ознакомиться съ языками, которые избраны предметомъ изслѣдованія. Только на основаніи солиднаго, положительнаго знанія можно сдѣлать нѣчто дѣльное въ нашей наукѣ. *Didicisse juvat*. Итакъ, кто хочетъ посвятить себя индо-германскому языковѣдѣнію, тотъ долженъ прежде всего основательно изучать всѣ старшіе индо-германскіе языки, читать тексты и т. д. Кто нѣкоторые изъ нихъ оставляетъ въ сторонѣ, думая, что они менѣе важны, тотъ несомнѣнно будетъ послѣ сожалѣть объ этомъ». (Шлейхеръ въ сочиненіи: *Die Wurzel AK im Indogermanischen* von Dr. Johannes Schmidt. Mit einem Vorworte von August Schleicher. Weimar 1865, стр. IV).

¹⁾ См. Aug. Schleicher, *Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache* etc. Bonn. 1852, стр. XI.

²⁾ Въ особенностяхъ желательно развитъ въ себѣ чутье для изучаемыхъ языковъ, даже въ такой степени, въ какой общее образованіе прежнихъ временъ (XVI и XVII вѣка въ западной Европѣ) давало тонкое чутье для такъ-называемыхъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, преимущественно же для латинскаго языка.

³⁾ Знаніе и пониманіе языковъ отличается отъ владѣнія ими болѣе или менѣе на столько, на сколько знаніе физиологическихъ процессовъ отличается отъ ихъ совершенія (разумѣется; что большее различіе родовъ предметовъ обуславливаетъ неточность этого сравненія).

хонѣмыми? Или же нашъ курсъ представится въ видѣ руководства для обученія чтенію и писанію или же въ видѣ правилъ и рецептовъ правописанія? А можетъ-быть, мы будемъ заниматься очищеніемъ и улучшеніемъ языка и примѣненіемъ его къ житейскимъ потребностямъ? Наконецъ, не будутъ ли состоятъ наши лекціи въ изложеніи техники науки, методики, пропедевтики?

На всѣ эти вопросы я долженъ отвѣтить отрицательно. Предметъ нашихъ занятій не искусство, не практика, не техника, а преимущественно *наука*, теорія, научное знаніе, — понимая отдѣльную науку въ томъ смыслѣ, что она есть упражненіе человѣческаго ума надъ суммою (комплексомъ) однородныхъ въ извѣстной степени фактовъ и понятій.

Но и теоретическое изслѣдованіе языка можетъ быть разнородно, смотря по тому, какъ понимаются задачи науки, и какою методъ примѣняется для ихъ рѣшенія. Не говоря о чисто *практическомъ* направленіи, имѣющемъ цѣлью свободное владѣніе чужими языками съ возможно большею бѣглостью при возможно меньшей рефлексіи (что составляетъ прямую противоположность науѣ, требуя страдательнаго отношенія къ чужимъ языкамъ и способности подражать, между тѣмъ какъ цѣль науки — сознать и обладать фактами на основаніи самостоятельной рефлексіи, и о чемъ мы говорили при разборѣ лингвистическихъ искусствъ) ¹⁾ въ исторически развившемся, сознательномъ, научномъ изслѣдованіи языковъ и рѣчи человѣческой вообще можно отличить три направленія ²⁾:

1) *Описательное*, крайне эмпирическое направленіе, ставящее себѣ задачею собирать и обобщать факты чисто внѣшнимъ образомъ, не вдаваясь въ объясненіе ихъ причинъ и не связывая имъ между собою на основаніи ихъ сродства и генетической зависимости. Приверженцы этого направленія видятъ всю мудрость науки въ составленіи описательныхъ грамматикъ и словарей и въ изданіи памятниковъ, въ приготовленіи матеріала безъ всякихъ выводовъ, кажущихся имъ почему-то слишкомъ смѣлыми или же преждевременными. Это происходитъ

¹⁾ И для человѣка, занимающагося теоретическою стороною языковѣднія, весьма полезно усвоить себѣ возможно обширное знаніе разныхъ языковъ, какъ я уже замѣтилъ выше.

²⁾ Ср. между прочимъ: *System der Sprachwissenschaft* von K. W. L. Heyse etc. Berlin, 1856, стр. 6—21, §§ 5—9; — *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland* etc. von Theodor Benfey. München. 1869, стр. 1—12, и пр.

частію вслѣдствіе чрезчуръ строго критическаго и скептическаго склада ума, отвергающаго безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей настоящую науку, изъ опасенія сдѣлать ошибку въ выводѣ или же высказать гипотезу, которая со временемъ можетъ показаться несостоятельною, частію же это слѣдуетъ приписать умственной лѣни и желанію избавиться отъ необходимости давать себѣ добросовѣстный отчетъ въ пользѣ и цѣли накопленія матеріала, — желанію, низводящему такимъ образомъ науку на степень эмпирическихъ занятій и какой-то безцѣльной игры. Эти ученые отсылаютъ объясненіе фактовъ *ad acta*, *ad meliora tempora*, и тѣмъ временемъ упускаютъ изъ виду то важное обстоятельство, что, ставя себѣ конечною цѣлью представленіе подробностей и ихъ примитивное, рабское, чисто внѣшнее объясненіе, можно быть очень полезну, но не для самого себя (то-есть, не для собственнаго знанія) и не для науки непосредственно, а только для другихъ изслѣдователей, на сколько добросовѣстно собирается и готовится для нихъ достовѣрный матеріалъ. Разумѣется, что желая избѣжать положенія науки, о которомъ можно бы справедливо замѣтить, что изъ-за деревьевъ лѣса не видно, нельзя никакъ ограничиваться задачами и вопросами, рекомендуемыми этимъ направленіемъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ первый шагъ въ науку, какъ подготовка, описательныя операціи необходимы; при чемъ первымъ условіемъ является точное и добросовѣстное наблюденіе, которое на степени совершенства встрѣчается только у немногихъ, такъ какъ всѣ смотрятъ, но не каждый видитъ. Хорошія описательныя грамматикѣ, изданія памятниковъ и словари останутся на всегда насущною потребностью нашей науки, и безъ нихъ даже самымъ геніальнымъ теоретическимъ выводамъ будетъ недоставать фактическаго основанія.

2) Совершенную противоположность этому скромному и сдержанному направленію составляетъ направленіе *резонирующее*, умствующее, апіористическое, ребяческое. Люди этого направленія чувствуютъ потребность въ объясненіи явленій, но берутся за это дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ. Они придумываютъ извѣстныя начала, извѣстные апіористическіе принципы, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, и подъ эти принципы подгоняютъ факты, поступая съ ними

¹⁾ Естественнымъ слѣдствіемъ этого направленія является узкій партикуляризмъ, отрицающій умѣстность сравненія сходныхъ явленій разныхъ языковъ и ограничивающійся предѣлами одного языка.

крайне безцеремонно. Здѣсь источникъ разнороднѣйшихъ предвзятыхъ грамматическихъ теорій, какъ по отношенію къ развитію самаго же языка, такъ и въ примѣненіи лингвистическихъ выводовъ къ другимъ областямъ знанія, къ исторіи, къ древностямъ, къ міеологіи, къ этнографіи и т. п. Здѣсь источникъ всевозможныхъ безчисленныхъ произвольныхъ объясненій и выводовъ, не основанныхъ на индукціи и свидѣтельствующихъ иногда объ отсутствіи здраваго смысла у ихъ виновниковъ. Кому не извѣстны куріозныя этимологіи, за которыя таеъ и хотѣлось бы помѣстить самихъ господъ этимологовъ въ домъ умалишенныхъ? Какъ алхимики старались отыскать первобытное тѣло, изъ котораго развились всѣ остальные, или же таинственную универсальную всемогущую силу, такъ же точно и нѣкоторые изъ представителей апріористическаго направленія въ языковѣдѣніи пытались изъ одного или же нѣсколькихъ созвучій вывести все богатство человѣческой рѣчи ¹⁾. Но настоящей алхиміей теперь никто не занимается, лингвистическіе же алхимики до сихъ поръ не исчезли, и вообще мало надежды на скорое изгнаніе изъ области языковѣдѣніи господства воображенія и произвола.

Въ новѣйшее время апріористическое направленіе въ языковѣдѣніи создало такъ-называемую *философскую* школу, которая, основываясь на умозрѣніи и ограниченномъ знаніи фактовъ, стала строить грамматическія системы, вкладывая явленія языка въ логическія рамки, въ логическія схемы. Конечно, такого рода системы могутъ представлять болѣе или менѣе удачныя измышленія ученыхъ умовъ, произведенія логическаго искусства, отличающіяся гармоніей и стройностью; но, насилуя и искажая факты на основаніи узкой теоріи, онѣ ни болѣе ни менѣе какъ воздушные замки, которые не въ состояніи удовлетворять требованіямъ людей, думающихъ положительно.

Если описательное, крайне эмпирическое направленіе только старается задерживать развитіе науки, то вышеупомянутое апріористическое, произвольное, ребяческое направленіе сталкиваетъ его на ложные пути, и поэтому оно положительно вредно.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, всѣ слова всѣхъ языковъ считаются происшедшими изъ созвучій, обозначающихъ представленіе «пѣтуха», въ сочиненіи «Dr. Max Müllers Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der menschlichen Sprache etc. von Dr. Christoph Gottlieb Voigtmann etc. Leipzig 1865» (ср. Johannes Schmidt въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* XV, 235 — 7). Voss выводилъ всѣ слова изъ первобытныхъ созвучій $\phi\acute{o}\omega$, *feo* и *geo* (ср. J. Grimm, Ueber Etymologie und Sprachvergleichung, Kleinere Schriften I, 307).

3) Истинно научное, *историческое*, генетическое направление считаетъ языкъ суммою дѣйствительныхъ явленій, суммою дѣйствительныхъ фактовъ, и слѣдовательно, науку, занимающуюся разборомъ этихъ фактовъ, оно должно причислить къ наукамъ индуктивнымъ. Задача же индуктивныхъ наукъ состоитъ: 1) въ объясненіи явленій соответственнымъ ихъ сопоставленіемъ и 2) въ отыскиваніи силъ и законовъ, то-есть, тѣхъ основныхъ категорій или понятій, которыя связываютъ явленія и представляютъ ихъ какъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Первое имѣетъ цѣлью сообщить человѣческому уму систематическое знаніе извѣстной суммы однородныхъ фактовъ или явленій, второе же вводитъ въ индуктивныя науки все болѣе и болѣе дедуктивный элементъ. Такъ точно и языковѣдѣніе, какъ наука индуктивная, 1) обобщаетъ явленія языка и 2) отыскиваетъ силы, дѣйствующія въ языкѣ, и законы, по которымъ совершается его развитіе, его жизнь. Разумѣется, что при этомъ всѣ факты равноправны, и ихъ можно признавать только болѣе или менѣ важными, но ужь никакъ нельзя умышленно не обращать вниманія на нѣкоторые изъ нихъ, а ругаться надъ фактами просто смѣшно. Все существующее разумно, естественно и законно; вотъ лозунгъ всякой науки.

Многими признается „сравненіе“ какъ особенный, отличительный признакъ новѣйшей науки языка, и поэтому они весьма охотно и почти исключительно употребляютъ названія „сравнительная грамматика“, „сравнительное изслѣдованіе языковъ“ (*vergleichende Sprachforschung*), „сравнительное языковѣдѣніе“ (*vergleichende Sprachwissenschaft*), „сравнительная филологія“ (*philologie comparée*) и т. п. Миѣ кажется, что въ основаніи этого взгляда лежитъ извѣстная узкость и исключительность, и что, принимая во вниманіе мотивы „сравнительныхъ“ грамматиковъ и „сравнительныхъ“ изслѣдователей языка, нужно было бы послѣдовательно названія всѣхъ наукъ украсить эпитетомъ „сравнительный“ и говорить о сравнительной математикѣ, сравнительной астрономіи, сравнительной физикѣ, сравнительной психологіи, сравнительной логикѣ, сравнительной географіи, сравнительной исторіи, сравнительной политической экономіи и т. д., и т. д. Вѣдь сравненіе есть одна изъ необходимыхъ операцій всѣхъ наукъ, — на немъ основывается процессъ мышленія вообще: вѣдь математикъ сравниваетъ величины и только этимъ добываетъ данныя для своихъ синтетическихъ и дедуктивныхъ соображеній; вѣдь историкъ вообще, только сравнивая различные фазисы развитія извѣстнаго рода проявленій человѣчества, можетъ дѣлать кое-какіе выводы и т. д., и т. д.

Роль же, которую играет сравнение въ языковѣдѣніи, оно играетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Съ другой однако же стороны названіе „сравнительная грамматика“ имѣетъ историческое значеніе: оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію, сдѣлавшему громадныя открытія. Сравненіе означало здѣсь сравненіе родственныхъ языковъ (и вообще сравненіе языковъ по ихъ сходствамъ и различіямъ) ¹⁾, но никакъ не сравненіе фактовъ языка вообще, такъ какъ это послѣднее составляетъ необходимое условіе всякаго научнаго разбора языка. Подобное историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная міеологія“ и т. п. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, въ который сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ. Если же называть науку не по переходящимъ ея направленіямъ, а также и не по извѣстнымъ совершаемымъ въ ней ученымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія, въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ не сравнительная грамматика, не сравнительное языковѣдѣніе, не объяснительная ²⁾ грамматика (*erklärende Grammatik*), не объяснительное языковѣдѣніе (*erklärende Sprachwissenschaft*), не (сравнительная) филологія ³⁾, а просто или *изслѣдованіе*

¹⁾ Въ послѣднее время начинаетъ обнаруживаться въ наукѣ стремленіе сравнивать научнымъ образомъ языкъ людей съ языкомъ животныхъ, и отъ этого сравненія можно ожидать совершенно новыхъ результатовъ.

²⁾ Какъ извѣстно, объясненіе явленій составляетъ сущность стремленій всѣхъ наукъ, и поэтому оно не можетъ счтаться исключительнымъ свойствомъ одной или нѣкоторыхъ изъ нихъ.

³⁾ Отожествлять филологію съ языковѣдѣніемъ значитъ съ одной стороны суживать кругъ ея вопросовъ (такъ какъ филологія занимается всѣми проявленіями душевной жизни извѣстнаго народа, а не только языкомъ), съ другой же стороны—слишкомъ расширять этотъ кругъ (такъ какъ филологія ограничивается до сихъ поръ извѣстнымъ народомъ или же группою народовъ, а языковѣдѣніе въ общей сложности изслѣдуетъ языки всѣхъ народовъ). Впрочемъ филологія, какъ она развилась исторически, представляетъ не однородную, цѣльную науку, а собраніе частей разныхъ наукъ (языковѣдѣнія, міеологія, исторіи литературы, исторіи культуры и т. п.), соединенныхъ въ одно цѣлое тожествомъ носителей разнородныхъ явленій, въ разборѣ которыхъ состоятъ научные вопросы и задачи филологіи. Отсюда филологія классическая (греко-латинская), санскритская, германская, славянская, романская и пр. и пр.